

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ В БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОМ ПРАВОСЛАВИИ XVII ВЕКА

В отечественной мысли XVII столетия противоборствовали различные общественно-политические ориентации, что нашло отражение и в конфессиональной жизни общества.

В белорусско-украинском православии уже в 20–40-х гг. XVII столетия наметились две основные тенденции по отношению к унии и государству Речи Посполитой – компромисса и конфронтации, что было связано со спецификой видения наличного статуса церкви, ее взаимоотношений с Западом и московским православием. Выразителями тенденции компромисса являлись Фома Иевлевич, Сильвестр Косов, Петр Могила и другие представители православной интеллектуальной элиты, считавшие необходимым добиваться восстановления прав православия мирным и законным путем, ведя диалог с политическими и религиозными оппонентами. Они исповедовали идею относительно независимой православной церкви и культурно-национально-религиозной автономии белорусского и украинского этноса в пределах Речи Посполитой на основе лояльности. Политическая лояльность должна была обеспечить, по их мнению, гражданское согласие.

Попытка реализации этой концепции была предпринята после смерти Сигизмунда III и нашла поддержку у части шляхетского сословия, в либеральных

кругах братского движения и у претендента на польский престол – Владислава. В 1632–1635 гг. были разработаны и приняты, несмотря на противодействие католической партии и униатской церкви, так называемые “статьи успокоения религии греческой”. Их значимость и основное содержание состоят в легализации деятельности православной церкви Речи Посполитой, возвращении ей статуса субъекта правоотношений. “Статьи...” предусматривали создание Киевской митрополии и четырёх епископий, в том числе могилевской (белорусской) епархии, возврат части церковной собственности, предоставление православным права организовывать школы и типографии, возводить храмы, занимать должности в городском самоуправлении и др.

“Статьи успокоения” снизили на некоторое время накал религиозного противостояния, создали относительно благоприятные условия для внутрицерковного обновления и культурно-просветительского реформирования. Православная элита, стремясь к освоению западной культуры, отвергала подчинение Риму, не принимала унию в редакции Брестского церковного собора. Оценивая значение П. Могилы в отечественной конфессиональной и национальной истории XVII века, В.М. Ничик отмечает, что “... подчинение Риму или Константинополю, Варшаве или Москве не входило в стратегические планы” митрополита. Он шел на тактические союзы и дипломатические маневры, стремясь к фактической самостоятельности Киевской митрополии, независимости от иноземной государственной и церковной власти и установлению подлинной церковной автокефалии [2, с. 157]. Это можно в полной мере отнести и к преемникам Могилы на митрополичьей кафедре – С. Косову и Иосифу Нелюбовичу-Тукальскому.

Занимая позицию лояльности к Речи Посполитой и не желая менять чисто номинальную церковную зависимость от Константинополя на реальную – от Москвы, белорусско-украинская православная церковь в то же время проводила по отношению к самодержавной России и Московскому Патриархату политику добрососедства и сотрудничества. Поддерживались контакты между церковными деятелями, московские самодержцы нередко наделяли щедрыми пожертвованиями местные монастыри, духовенство. По просьбе Могилы русское правительство оказало финансовую помощь и прислало своих мастеров для реставрации православных храмов, в том числе Киевской Софии. В свою очередь, Могила предлагал царю содействие (1640 г.) в организации в Москве с помощью киевских ученых коллегии по типу созданном им в 1632 году Киево-Могилянской академии.

Наряду с тенденцией компромисса в белорусско-украинском православии присутствует противоположная тенденция – решительного осуждения унии и политического режима Речи Посполитой. Выразители этого направления (Иов Борецкий, Исайя Копинский, Афанасий Филиппович и др.)

полагали, что интересы церкви и народа требуют полной ликвидации униатства. Они также выступали за интеграцию с московским православием и вхождение белорусских и украинских земель в состав Русского государства. Идея политической ориентации на Москву проступает уже в работах 1620-х гг. З. Копыстенского (посвящение к “Беседам” Иоанна Златоуста, 1623).

Анализируя сознание белорусско-украинского общества второй половины XVII в., не следует отождествлять идеи культурно-исторического родства восточнославянских народов и политической интеграции с Россией. Первая идея свойственна национальному самосознанию белорусов, украинцев, русских на протяжении всей истории. Она основывалась на осознании общих генетических и исторических корней, родства языка, культуры, вероисповедных ценностей и т. д. В XVII в. эта идея получила отражение в творчестве Ф. Иевлевича (“Лабиринт”), З. Копыстенского (“Палинодия”), П. Могилы (“Лифос”), С. Косова (“Патерик печерский”), А. Кальнофойского (“Тератургима”), Т. Сурты (Могилёвская хроника), в белорусских и украинских списках “Задонщины”, “Мамаева побоища” и т. д. Что касается идеи политической интеграции с Россией (в терминологии советской историографии – “восоединения с Россией”), то она возникает примерно на рубеже XV–XVI вв. (после освобождения Северо-Восточной Руси от золотоордынского ига), и получает развитие по мере формирования великодержавной идеологии.

Один из наиболее ярких выразителей бескомпромиссной тенденции в белорусской мысли второй четверти XVII столетия – Афанасий Филиппович. В “Истории путешествия в Москву”, адресованной Алексею Михайловичу, Филиппович повествует о тяжёлом положении православных Речи Посполитой, пытаясь убедить русского самодержца в необходимости освобождения угнетаемых единоверцев. Идею вмешательства Москвы во внутренние дела Речи Посполитой, защиты национально-религиозных прав белорусского и украинского народов Филиппович представляет как святое дело, получившее санкцию и одобрение Бога [3, с. 50–99].

Деятельность Филипповича целиком была направлена на защиту православной церкви, сохранение “народа христианского” от религиозно-этнической ассимиляции со стороны польско-католических кругов Речи Посполитой. “Унея проклятая” должна быть, по убеждению автора, “згублена на веки”, так как вызвала “розделене Руси”, спровоцировала “непотребные колотни”, разрушила не только церковное единство, но и гражданский мир: “и порядок духовный и светский южь-южь загинул” [3, с. 74–117].

Различия в общественно-политической ориентации ярко проявились в период войны России с Речью Посполитой 1654 – 1667 гг. Социальная и национально-религиозная ситуация на белорусских землях способствовали

на первых порах военным успехам Москвы. В настроении широких слоев Восточной Беларуси, в сознании крестьянства, горожан, части шляхты сложился иллюзорный образ “царя-освободителя”. Представители белорусского духовенства, посещавшие Москву в начале 1650-х гг., рисовали картину жестоких притеснений православного населения властями Речи Посполитой, убеждали царя выступить в роли защитника, заверяя, что белорусы окажут его армии широкую поддержку. И такую поддержку со стороны значительной части населения Восточной Беларуси московские войска на начальном этапе войны (лето 1654 г.) действительно получили. В военных донесениях королю Речи Посполитой сообщалось: “Здесь города угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское”; “Мужики молят бога, чтобы пришла Москва” [1, с. 69, 73]. Однако вскоре, примерно с конца 1654 г. стало наблюдаться изменение отношения народных масс Беларуси к царской армии. В ряде городов происходят антимосковские выступления, на Смоленщине, Мстиславщине, Полотчине, Могилевщине, Витебщине и других землях возникают крестьянские отряды самообороны (“шиши”) – первые известные в истории Беларуси партизанские отряды. В обществе происходит раскол на перешедших на сторону России и нежелающих принимать русского подданства, сопротивляющихся “освободителям”, что привело к вооруженной борьбе между ними. В дальнейшем (1658–1661 гг.) развернулось широкое антимосковское народное движение.

Этот процесс был обусловлен рядом обстоятельств, но, прежде всего, непоследовательной политикой царя Алексея Михайловича, поведением его администрации, действиями российских войск и союзных им украинских казацких отрядов, наемников на занятой территории. Царское правительство декларировало неприкосновенность жизни и собственности перешедших под “высокую государеву руку”, горожанам выдавались “сберегательные” грамоты, разрешения на торгово-ремесленную деятельность и т.п. Однако реальностью для многих городов, местечек, сел, населения всех конфессий стали самоуправство царских войск и военной администрации, грабежи, реквизиции и конфискации, мародерство, массовое насильственное переселение жителей (“литовский полон”) в пределы России, недружественные акты в отношении православного духовенства, не говоря уже о других вероисповеданиях, оказавшихся “вне закона”. Это закономерно привело к утрате прежней широкой социальной базы и повлияло на итоги войны России с Речью Посполитой.

Война 1654–1667 гг. значительно сократила число приверженцев идеи политической интеграции с Россией. Однако идея целесообразности государственного единения восточнославянских народов под эгидой Москвы по-прежнему присутствовала в национальном самосознании белорусов. Одним

из сторонников этой идеи являлся Симеон Полоцкий, предпринявший попытку теоретического обоснования данной позиции (полоцкие и витебские “Метры”, 1656). При этом было бы неверно сводить общественно-политические взгляды белорусского мыслителя к примитивному “западнорусизму”. Он был искренне убеждён, что вхождение Беларуси в состав России является благом для белорусского этноса, условием его сохранения в обстановке усилившейся в Речи Посполитой в середине XVII в. католической реакции. Историческое воззрение Полоцкого нашли последователей в отечественной мысли. Созвучные идеи высказывал анонимный белорусский поэт, автор стихов “О взятии Смоленска”. Этнографические источники XVII–XVIII вв. указывают на существование в сознании белорусов царистских иллюзий, братское отношение к русскому народу, неискоренимость надежды на помощь “единоверной Москвы” в освобождении от национально-религиозного притеснения. Во второй половине XVIII века эти настроения были использованы при разделах Речи Посполитой и включении белорусских земель в состав России.

Л и т е р а т у р а

1. Белоруссия в эпоху феодализма: в 3 т. – Минск, 1960. – Т. 2.
2. Нічик, В.М. Петро Могила в духовній історії України / В.М. Нічик. – Київ, 1997.
3. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Санкт-Петербург, 1878. – Кн. 1.